

Письмо из Югославии

ПЕРЕГОВОРЫ С РАДИЧЕВЦАМИ.

Мы напечатали уже сообщение о состоянии между радикалами и радичевцами. Но печатанное ниже письмо нашего постоянного корреспондента из Блградского освещает сложность положений, которое может еще только измениться и о котором Пашич еще не сказал, по видимому, своего последнего слова (Ред.).

После назначения Пашичем трех заместителей в политических и партийных вопросах, лица эти, председатель Скупщины Трифкович, председатель Радикального Клуба Живкович и временный председатель Совета Министров Джураичич, вступили (2-го июля) в официальные переговоры с тремя делегатами Радичевской партии: племянником Степана Радича, Павлом Радичем, личным секретарем Степана Радича Никичем и депутатом - радичевцем Шувериной. При этом сдвинулось замечание, что первые три лица являются ставленниками Пашича, Пашич же с жеским нездоровьем и заявляет, как говорят, и Королю, во время его последнего посещения Блграда на настоянии последнего чтобы переговоры не откладывались до осени, что сам он не может их лично вести.

Последний три лица представляли, как сообщают, всецело Степана Радича, который продолжает сидеть в тюрьме, а потому, в то время как 3 радикальных вождя носились во все стороны с Пашичем в его виллах под Блградом, три хорватских депутата все время должны были являться в Загреб в тюрьму за директивами Степана Радича.

Переговоры велись так, что об их содержании мало что проникло в общество: предполагалось, что ведутся они для решения так называемого хорватского вопроса, то есть о том, что и как надо изменить в конституции для того, чтобы Хорваты могли считать свои желания удовлетворенными, а вопрос об устройстве и управлении государством был раз и навсегда покончен. Ясно, однако, было, что ближайшей целью их было решение в благоприятном смысле вопроса о судьбе Степана Радича и 5 других арестованных вождей, а также получение Радичевцами власти на местах в Хорватии в свои руки.

Для практического соглашения Радича и Радичевцев надо было, чтобы первые бросили независимых демократов (Прибичевича), а вторые — вышли из оппозиционного блока. При этом надо замечать, что Радичевцы, выходя из оппозиционного блока, который и совместно с ними не имела большинства, ничего не теряли, Радича же разставаясь с Прибичевичем теряли в Скупщине свое большинство, поученное на выборах в феврале этим «Национальным блоком», на платформе борьбы с большинством и радичевщиной, и ставившей в отношении большинства в Парламенте в зависимость от такой легкой меняющейся величины, как добрая воля Радича.

Прибичевич, соглашаясь на сотрудни-

чество с Радичевцами и зная их лучше, чем кто либо (сам он из Хорватии) советовал крайнюю осторожность.

Из первого же коммюнике, где упоминалось только о начале переговоров двух партий (радикалов и радичевцев), стало ясно, что Радич не желает и слышать о переговорах с представителями большинства, — а поэтому все, включая сюда и оппозицию, относилось в высшей степени скептически к возможности благополучного окончания начатых переговоров, считая, что они ведутся больше для того, чтобы на дѣлѣ убедиться в невозможности сдвинуть с Радичевцами кашу.

Вести, пропавшая в публичку об основании самих переговоров, еще больше подтверждала такое мнение: говорилось о том, что переговоры не касаются измененной Конституции (то есть те пункты для Радичевцев всякий смысл, кроме возможности освобождения вождей), но что «за то» Радичевцам будет дана полная власть в Хорватии в течение трех-х лет со дня Скупщины, на время которых заключаются договоры (иначе говоря, Радичевцы смогут свободно вести там свою пропаганду до новых выборов, чтобы получить большинство).

Люди поздравляли алчущих. Все же время (на прошлой неделе) все материалы по дѣлу Радича были переданы Судебным следователем Прокурору для обвещения.

В это время произошло крайне знаменательный случай: разматывая в Скупщине одно из обычных со стороны оппозиции обвинений министра юстиции (независимого демократа) в злоупотреблении со снятием секретаря, Радикального Клуба, вместо того, чтобы отклонить своим большинством требование о предании министра суду — заявил о своем невмешательстве в это обвинение, оставив всякому депутату действовать по своему. Министр Юстиции подал в отставку, не желая давать повод для ссоры 2-х правительственных партий, и заявил просьбу о назначении парламентского расследования. Но его радикалов просто не пришло на заседание Скупщины, и предложение оппозиции, а не собственное желание министра было принято во вопросу о его отъезде из страны. Радичевцы добились своего: министр юстиции оказался под судебным преследованием, как и их вождь Радич. Успех был блестящий.

На другой же день (11 июля), как обвещивали поздно вечером, был «подписан протокол переговоров» и «протокол соглашения» между радикалами и радичевцами.

Трудно предсказать, что из этого может выйти в будущем. Трудно поверить, чтобы радикалы, а особенно мудрый Пашич разбили свое большинство и отдались на милость и немилость Радичу, в тот момент, когда они находятся у власти и облечены народным доверием прошлых выборов. Трудно думать, чтобы кто либо, и особенно Пашич, мог ввернуть в дружбу Радича, сидя-

то в тюрьме и только думая о том, чтобы отпущен. Трудно вообще поверить в то, чтобы соглашение с Радичем состоялось так легко. Такое соглашение не могло бы не компрометировать сильно авторитета правительства, официально издаваемого ввѣстных документов об «вѣрѣ» Радича.

Пока не известены еще тексты подписанного протокола о соглашении; его предварительно должен одобрить (се-

годня) радикальный клуб, который, конечно, всецело следует за Пашичем, как за вождем.

Характерно, однако, — и сдвинулось это подчеркнуть — желание Пашича отбросить всякого официального участия в готовящемся соглашении. А нет такого великого дѣла в этом королевстве, которое могло бы быть совершено помимо и против воли Пашича.

В. С.

Къ Сергіеву дню

ПЯТИЛѢТІЕ КОМУНИСТИЧЕСКАГО КОШУНСТВА

5 июля 1422 г. игумень Троице Сергіев монастыря под Москвою, преподобный Никонъ, приступая къ постройкѣ каменнаго храма въ присутствіи князя Юрія Звенигородскаго и Галицкаго, «вынесъ изъ земли почивающія тамъ мощи преподобнаго Сергія. Мощи пребывали въ землѣ свыше 30 лѣтъ.

По даннымъ современника Пахомія Сербія, мощи были найдены нетлѣнными: «Открыше чудотворный гробъ, видѣша люди чудное зрѣніе и умчленія достойное, яко не токмо чистое святое тѣло цѣло и свѣтло соблюдеся, но одежа да его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла быше всяко и тлѣно никакже сопричастна»...

Мощи преподобнаго Сергія были временно поставлены въ старомъ деревянномъ храмѣ, а позже перенесены въ Троицкій соборъ лавры, построенный преподобнымъ Никономъ изъ благаго камня, и поминали въ серебряной ракъ, устроенной Юванномъ Грознымъ. Эта рака впоследствии была опущена въ другую, тоже серебряную, которая, равно какъ и рѣшетка и сѣны на столбахъ, были вылиты изъ перваго серебра, добытаго въ Россіи въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

Съ 1422 года до самой революціи мощи преподобнаго Сергія являлись одной изъ наиболѣе чтимыхъ русскихъ святынь, на поклонение которой стекалось буквально все русское населеніе, начиная отъ царей, кончая простымъ народомъ, мѣрившимъ тысячевѣрныя пространства съ котомкой за плечами.

Олеарій называетъ мощи преподобнаго Сергія и Никона величайшими святынями Московыи и между прочимъ, пишетъ: «Русскіе гордятся, что и нынѣ еще они могутъ показатъ вскому «Mirn schalen» (главы) этихъ святынь съ нетлѣнными въ нихъ мозгами»...

Никакія историческія бури, бушеванія въ Россіи, вродѣ татарскихъ нашествій, смутнаго времени, нашествія французовъ и пр. не потревожили смертнаго сна преподобнаго Сергія и его нетлѣннаго праха. «Руки нечестивыхъ донныи не прикасались къ нему», — писалъ съ гордостью въ 1901 году графъ М. В. Толстой.

И только въ смрадные дни «великой» коммунистической революціи «нечестивые враги», увѣ, русскіе, кошунистично

потревожили святой покой русскаго угодника.

Попытки коммунистовъ вскрыть мощи преподобнаго Сергія предпринимались неоднократно въ теченіе 1920 года но всякій разъ назначенныя комиссіи въ нужденъ были удалиться подъ напоромъ сильнаго негодованія жителей Троицкаго посада. Тогда коммунисты прибѣгли къ хитрости. Въ одинъ изъ будничныхъ дней, когда въ церкви было мало народа, и совершалась обычная литургія, въ соборъ по одиночкѣ, со спрятанными винтовками и револьверами по одному, вошли красноармейцы и члены комиссіи по «свидѣтельствуванію».

Когда священникъ вынесъ за Херувимской святыне дары, одинъ изъ комиссаровъ, быстро подбѣжалъ къ священнику и приставилъ револьверъ къ его груди, крикнувъ: «довольно глѣть!» Богослуженіе было прервано, двери заперты на засовы и калвермы приставлены караулы. Комиссаръ скондандовалъ красноармейцамъ: «фуражки надѣть».

Солдаты исполнили команду. Но когда приглашенные для «работы» опытные взломщики вскрыли раку, красноармейцы снова сняли фуражки и стали креститься. Раздраженный комиссаръ снова скондандовалъ надѣть фуражки. Часть красноармейцевъ исполнила приказъ, часть продолжала стоять безъ шапокъ. Нѣкоторые изъ солдатъ стали биться въ истерику. Комиссаръ стал избивать ихъ прикладомъ револьвера. Когда была вскрыта вторая рака и съ мощей былъ снятъ первый покровъ, среди красноармейцевъ поднялся угрожающій ропотъ. При видѣ рельефно обрисовавшагося человѣческаго контура, лѣтководия вскрытій мощей, больше не осмѣлились кричать на солдатъ и дальнѣйшее вскрытіе производилось только при помощи латыхскихъ стрѣлковъ

Останки святого оказались одѣтыми въ темное монашеское платье. Мощи представляли собой скелетъ, обтнутый исхопными мускулами и коричневатою нѣсколько блестящей кожей. На головѣ святого сохранились бѣлые волосы и не большая сѣдая борода. Никакихъ слѣдовъ искусственнаго мумифицированія и извлеченія внутренности обнаружено не было.

Загѣмъ при общемъ гробовомъ молчаніи гробъ былъ закрытъ. Протоколъ вскрытія на мѣстѣ не былъ составленъ. Понятнымъ его предьявляли для подписи лишь на третій день съ дополненными подробностями, которыхъ при вскрытіи не наблюдалось. Понятые вынужденны были подписать этотъ протоколъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

Актъ вскрытія мощей преподобнаго Сергія вызвалъ среди населенія Троицкаго посада впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое онъ хотѣлъ вызвать. Въ населеніи долго шир-

Иностранная жизнь.

Коммунисты въ Скандинавіи

Какъ сообщаютъ изъ осведомленнаго источника:

По указкѣ изъ Кремля коммунистическая пропаганда въ Скандинавіи начинаеть принимать все болѣе и болѣе эффективныя формы и въ настоящее время въ г. Осло при секретариатѣ Скандинавской Коммунистической партіи дѣла основано специальное бюро по руководству т. н. пионерскимъ движеніемъ, которому болѣевики придають большое значеніе, стремясь развить его и захватить въ свои руки подрастающее поколѣніе.

Потому въ Копенгагенѣ устроена даже особая школа для обученія дѣтей ораторскому и пропагандистскому искусству.

И конечно все это постепенно даеть свои невеселые всходы.

Натаканіе въ школѣ маленькіе агитаторы развиваютъ сплуную агитацію среди товарищей, подъ вліяніемъ которой малыши въ 10 лѣтъ демонстративно уходятъ съ уроковъ религіи и ведутъ на урокахъ географіи ожесточенные споры съ учителями, когда вопросъ касается Россіи.

Юные пионеры готовятся къ этому въ особые школы, причѣмъ всѣ члены ком. партіи обязаны посылать своихъ дѣтей въ эти специальныя воскресныя школы.

Такъ обстоитъ дѣло въ Копенгагенѣ, особе же развитіе пионерскія ячейки получилъ въ Норвегіи, гдѣ число ихъ говоритъ доходить до 250.

Къ сожалѣнію борьба съ этими явленіями очень легка, родители смотрятъ на новое увлеченіе своихъ дѣтей какъ на какую то игру въ индѣйскѣ, иаъ бѣгутъ въ Америку, считая, что оно пройдетъ съ возрастомъ; учительскому же персоналу въ Даніи по предписанію высшаго начальства запрещено вести бесѣды съ дѣтьми на политическія темы.

Но, конечно, болѣевицкій спрутъ стремится захватить и проникнуть во всѣ поры социальной жизни не ограничиваясь только пропагандой среди дѣтей.

Для Норвегіи придумана болѣевикима весьма хитроумная комбинація. По приказу изъ Москвы, мѣстные ком-

мунисты, для организаціи красной арміи, массами начали входить въ порнскіе стрѣлковыя союзы, захвативъ нѣкоторые изъ нихъ всецѣло въ свои руки.

Добившись этого, они ликвидировали захваченные союзы, поставивъ передачу денежныхъ средствъ въ распоряженіе компартіи и заполнивъ въ свои руки оружіе и аммуницію.

Къ этому остается добавить, что стрѣлковыя союзы въ Норвегіи являются немаловажнымъ звеномъ въ общей цѣпи зашиты страны и пользуются благодаря этому государственной поддержкой.

Захвативъ ихъ коммунисты арсеналы имѣя вмѣстѣ національныхъ красныхъ знамена и, конечно, съ совѣтскими эмблемами въ видѣ серія и молота.

Суммируя все вышесказанное мы можемъ только сказать, что присутствіемъ при совершенно особомъ и пока еще болѣе нигдѣ незавѣдомомъ явленіи, а именно при плановѣрной подготовкѣ революціонной арміи за счетъ государственнаго, въ цѣляхъ его разрушенія.

Такое положеніе въ Норвегіи. Что касается Швеціи, то въ ней какъ будто начинаютъ осознать коммунистическую опасность, дебатировавъ все время вопросъ о сознаніи общаго противобольшевническаго фронта отъ крайне правыхъ до социаль - демократовъ включительно.

Подобная активность объясняется тѣмъ, что въ Стокгольмѣ получили широкую огласку революціонныя планы, въ работаніе Москвою по отношенію къ Швеціи.

Недовольный малой активностью шведскихъ коммунистовъ, Коминтернъ предписалъ приложить всѣ усилія для того, чтобы поднять возстаніе въ войскахъ, асигновать на это дополнителные 500 тысячъ кронъ, и требую создать специальный военно - коммунистическій комитетъ.

Работа этого комитета должна выразиться въ организаціи солдатскихъ и матросскихъ съездовъ и въ шпіонажѣ за военными властями и стрѣлковыми обществами.

Въ программу дѣятельности входитъ изученіе способовъ захвата желѣзныхъ дорогъ, складовъ оружія, мостовъ и формирование ударныхъ красныхъ отрядовъ.

Словомъ, ведутся приготовления къ настоящему, manu militari, перевороту.

Е.

и извлеченія внутренности обнаружено не было.

Загѣмъ при общемъ гробовомъ молчаніи гробъ былъ закрытъ. Протоколъ вскрытія на мѣстѣ не былъ составленъ. Понятнымъ его предьявляли для подписи лишь на третій день съ дополненными подробностями, которыхъ при вскрытіи не наблюдалось. Понятые вынужденны были подписать этотъ протоколъ подъ угрозой ареста и разстрѣла.

Актъ вскрытія мощей преподобнаго Сергія вызвалъ среди населенія Троицкаго посада впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое онъ хотѣлъ вызвать. Въ населеніи долго шир-

кудировало слухи о неудачѣ вскрытія. Говорилось, что святой, не желая поруганія, ушелъ въ землю и комиссарамъ оставалось только соничать басни. «Богъ никогда поругаемъ не бываетъ».

Трагическо оказалась судьба активнаго участника «свидѣтельствуванія» мощей преподобнаго.

Врачъ Шапиро, свидѣтельствувавшій мощи, на другой день скоростножно скончался отъ апоплексическаго удара. Комиссара Херера вскорѣ разнесли лошади, испугавшіеся автомобиля. Командующій взводомъ латышъ Дзенсисъ былъ убитъ въ ссорѣ ножомъ своимъ землякомъ.

Н. Б.

ОКАЯННЫЕ ДНИ

Изъ Одесскаго дневника 1919 года.

24 апреля.

Вчера ночью выдумалъ прятать эти записки такъ хорошо, что кажется самъ чортъ не найдетъ. Да, впрочемъ, чортъ те перь малышка и ценюкъ. Все таки могутъ найти, и тогда не одобровать мнѣ. Въ «Извѣстіяхъ» обо мнѣ уже писали: «Давно пора обратить вниманіе на этого академика съ лицомъ голубевскаго социалиста, вспомнить, какъ онъ воспѣвалъ приходъ въ Одесу французовъ!».

Посмотрѣть газету. Все тотъ же балаганъ. «Бессарабское рабоче - крестьянское правительство опубликовало вчера манифестъ, объявляющій войну Румыніи. Но это не хищническая война империалистовъ...» и т. д.

Статья Троицкаго «о необходимости добить Колчака». Конечно, это первая необходимость и не только для Троицкаго, но и для всѣхъ, которые ради погибеліи «проклятаго прошлаго» готовы на погибелъ хоть половины русскаго народа!

Изъ Одессы народъ очень ждалъ болѣевицкую — «наши придутъ». Ждали и мнѣ обмануть — надобла смѣна власти, ужъ хоть что нибудь одно, да, впрочемъ, и жизнь дешевле будетъ. И охъ какъ парализовалъ всѣ! Какъ тотъ старикъ мужикъ, что купилъ себѣ на ярмаркѣ очки такой силы, что у него отъ нихъ слезы трындамъ брызнули.

— Макарь, да ты съ ума сошелъ! Въдѣ ты ослѣпнешь, въдѣ они тебѣ совѣтъ не по глазамъ!

— Кто, баршть? Очка-то? Ничего, они слѣпнутъ...

Волонтеры разважались, что предсѣдатель одесской чрезвычайной Сѣверной (имѣе одесскаго доктора Юсифовича) горько ему:

— Простать себѣ не могу, что упустилъ Колчака, который былъ у меня одважды въ рукахъ!

Болѣе страшнаго оскорбительнаго я за всю мою жизнь не слышалъ.

Дыбенко... Чеховъ однажды сказалъ мнѣ: — Вотъ чудесная фамилія для матроса: Комкодавленко.

Дыбенко стонѣ Кошкодавленки.

О Колоний (разсказывалъ вчера Н. Н.): — Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. Съ утра надѣвала самое простенное платье и скакала въ рабочей трубочки — «на работу». А воротясь домой, брала ванну, надѣвала голубенькую рубашечку — и прыгала съ корытой конфетъ въ кровать въ подгузѣ: Ну, давай, дружокъ, поболтаемъ теперь вѣласть!

Судебная и психиатрическая медицина давно знаетъ и этотъ (ангелоподобный) типъ среди природженныхъ преступницъ и проститутокъ.

Изъ «Извѣстій»: — Крестьяне говорятъ: дайте намъ коммуны, лишь бы избавите насъ отъ кадетовъ...

У дверей «Полуправленія» стоятъ огромный плакатъ. Краснокожая баба, съ бѣшеннымъ дикарскимъ рыломъ, съ яростно оскаленными зубами, съ разбѣгомъ всадила вилы въ задъ убѣгающаго генерала. Изъ зада хлещетъ кровь. Подпись:

— Не зарисѣ, Деникины, на чужую землю!

«Не зарисѣ» должно обозначать «не зарисѣ». А ко всему этому прибавьте ихъ провинсаніе. По приказу самого Архангела Михаила никогда не пріму этого правосанія. Ужъ хоти бы по одному тому, что человекская рука съ самаго сотворенія міра не писала ничего доброднаго тому, что пишеть теперь по этому правосанію. Ни чего доброднаго по вѣности, живности и вѣтрочу.

Подумать только: надо еще обвещивать то тому, то другому, почему именно не пойду и служить въ какой - нибудь Пролеткультѣ! Надо еще доказывать, что нельзя сидѣть рядомъ съ чрезвычайкой, гдѣ чуть не каждый часъ кому нибудь проламываютъ голову, и просвѣщать на смѣть «последнихъ достижений въ инструментальной стиха» какою - нибудь хрипу съ мокрыми отъ пота руками! Да порази ея прозаза до семидесяти седьмого колѣна, если она даже и «интересуетъ» стихами, и тѣмъ паче, чѣмъ болѣе «интересуетъ»!

Вообще теперь самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять ихъ, спорить о томъ, хороши они или дурны. Это - ли не крайній ужасъ, что я долженъ открывать такую Америку — доказывать, что лучше тысячу разъ оклеить ея голоду, чѣмъ обучать эту хрипу ябамъ и хорема, дабы она могла воспѣвать, какъ ея со товарищи грабятъ, бьютъ, насилуютъ, пакостятъ въ церквѣ, вырѣзываютъ ремни изъ офицерскихъ шини, вѣнчаютъ съ кобылами священниковъ?

Кстати объ одесской чрезвычайкѣ: тамъ теперь новая маера прѣстрѣливать — надъ клозетной чашкой.

А у «предсѣдателя» этой чрезвычайки, у Сѣвернаго, «кристианная душа», по словамъ Волонши. А познакомлася съ нимъ Волонши, — всего нѣсколько дней тому назадъ, — «въ гостинной одной хорошенькой женщины».

Анюта говоритъ: — Припали красноармейцевъ изъ Россіи.

Знаю, уже нѣкоторыхъ видѣлъ. Нынче встрѣтилъ опять толстотомраго, коротконогаго, у котораго при разговорѣ поднимается дѣвный утолъ губы. Страшный типъ. Я былъ надъ спускомъ въ портъ въ концѣ Торговой, онъ лежалъ съ другимъ солдатомъ на оградѣ, съ обвещиваніемъ быстрой цѣлкомъ подсолнухамъ, исполдубья поглядывая на меня. За чѣмъ, я несчастный, хожу туда? Смотрѣть на пушотный рейдъ, на море, все та надежду на спасеніе съ той стороны. И старался не встрѣчаться съ нимъ взглядами.

Кончатъ воспоминанія Булгакова. Толстой говорилъ ему:

— Курскетикъ, читалюія Горькаго и Андреева, искренно вѣрять, что не могутъ постигнуть ихъ глубины... Прочелъ прологъ къ «Апатамѣ» — полная бессмыслица... Что у нихъ у всѣхъ въ головахъ, у всѣхъ этихъ Брюсовыхъ, Вѣляныхъ?

Чеховъ тоже не понималъ, что. На людяхъ говорилъ, что «чужденое», а дома хохоталъ: «Ахъ, такіе сміе! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать!» И про Андреева: «Прочитаю двѣ странички — надо два часа гулять на свѣжемъ воздухѣ!».

Толстой говорилъ: — Теперь успѣхъ въ литературѣ достигается только глупостью и наглостью.

Онъ забылъ помощь критиковъ. Кто они, эти критики?

На врачебный консилиумъ зовутъ врачей, на юридическую консултатію — юристовъ, желѣзнодорожную комиссію оцѣнивають инженеры, домъ — архитекторы, а вотъ художество всякій, кто хочеть, люди, чьто совершенно противоположные по натурѣ всякому художству. И слушаютъ только ихъ. А отзывъ Толстыхъ, Чеховыхъ въ гронъ не ставится, — отзывъ какъ разъ тѣхъ, которые прежде всего обладаютъ огромнымъ критическимъ чутьемъ, ибо написаніе каждаго слова въ «Войнѣ и мирѣ» есть въ то же самое время и строжайшее возвышаніе, тончайшая оцѣнка каждаго слова.

Когда совѣтъ падаетъ духомъ отъ полной безнадежности на счетъ себя лично и Россіи, ловишь себя на другой сокровенной надеждѣ, на мечтѣ, что все таки настаетъ же когда нибудъ день отмщенія и общаго, всечеловѣческаго проклятія теперешнимъ дьямъ. Нельзя самъ безъ этой надежды. Въдѣ это истинно самъ Богъ говоритъ во мнѣ, «Господь ревнивецъ и мститель», ненавидящій и дождневствующій сокрушатъ и карать дьявола. Да, но во мнѣ лихъ - ли Онъ говоритъ теперь? Помянуто высказываеть изъ рукъ и эта послѣдняя надежда. Во что можно вѣрять теперь, когда

раскрылась такая несказанно страшная правда о чловѣкѣ?

Все будетъ забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможетъ, которая что угодно исказитъ, зату мажитъ, какъ это сдѣлаю, напримеръ, съ французской революціей то вреднѣе на землѣ племя, что называется поэтами, среди которыхъ на одного истинно святаго всегда приходится десять тысячъ пустосвятитовъ, выродковъ и паразитовъ.

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ.

Въ его минуты роковыя!

Да, мы надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, да же и надъ тѣмъ несказаннымъ, что творить сеетъ у насъ, мудрымъ, философствующимъ. Все - то у насъ не веревка, а «вервья», какъ у того крыловскаго мудреца, что полетѣлъ въ яму, но вѣ въ ямѣ продолжалъ свою эволюцію. Въдѣ вотъ и до сихъ поръ споримъ, напримеръ, о Блокѣ: впрямъ его ярмаги, юнѣше улупую дѣвку, суть апостолы или все - таки не совѣтъ? Михрютка, дробящій дубинкой венецанское зеркало, у насъ непремѣнно гуниъ, скифы, и мы угтѣшамеся, налѣвнивъ на него зотъ дурацкій, книжный ярмакъ.

Вообще литературный подходъ къ жизни просто отравилъ насъ. Что, напримеръ, сдѣлали мы съ той громадой и разнообразнѣйшей жизнью, которой жила Россія послѣднее столѣтіе? Развѣли, развѣли ея на десятилетия — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилетіе опредѣлили его литературнымъ героємъ: Чацкий, Овѣгинъ, Печоринъ, Базаровъ... Это - ли не курамъ на смѣхъ, особенно ежели вспомнить, что героємъ вѣтъ бы то одному «осмнадцатому» лѣтъ, другому девятнадцатому, третьему, самому старшему, двадцать!

Газеты зовутъ въ походъ на Европу. Вспомнилось: осень 14 года, собраніе московскихъ интеллигентовъ въ Юридическомъ Обществѣ Горькій, зеленія отъ волнения, говорятъ рѣчь: — Я боюсь русской побѣды, того, что даяка Россія навалится стомилліоннымъ брюхомъ на Европу!

Теперь это брохо «революціонное», и онъ уже не бонгетъ.

Рядомъ съ этимъ есть въ газетахъ и «предупрежденіе»: «Въ связи съ полнымъ истощеніемъ топлива, электричества скоро не будетъ». И такъ, въ одинъ мѣсяць все обработали: ни фабрики, ни желѣзныя дороги, ни трамвайсы, ни воды, ни хлѣба, ни одежды — ничего!

Да, да — «вотъ выйдутъ семь коровъ тощихъ и пожрутъ семь тучныхъ, но сами отъ того не стануть тучнѣе».

Сейчасъ (одиннадцатый часъ, ночь) открылъ одно, выплунулъ на улицу: луна низко, за домами, нигдѣ ни души и такъ тихо, что слышно, какъ гдѣ - то на мостовой грызеть кости собака, — и откуда только могла она взять эту костъ? Вотъ дожили, — да же кости дивнѣше!

Перечитываю «Обрывъ». Длинно, но какъ умно, крѣико! Все такъ дѣлаю усидѣли, чтобы читать — такъ противны теперь эти Марки Волохопы. Сколько хажовъ пошло отъ этого Марка! «Что же это въ залѣвнъ въ чужой садъ и вѣдѣ чужія яблоки?» — «А что это значить: чужой, чужій? И почему мнѣ не вѣтъ, если хочеться?» Мар